

"ЗАГОВОР" ЦЕЗАРЯ ЮЛИАНА

В начале 360 г. н.э. войска цезаря Юлиана подняли в Паризиях мятеж против царствующего Констанция и провозгласили своего военачальника августом. Историк Евнапий (345-420 гг.) в жизнеописании Орибазия, лично-го врача Юлиана, весьма кратко отзывается об этом событии, подчеркивая, что именно Орибазий "сделал Юлиана царем" (*βασίλεα τὸν Ἰουλιανὸν ἀλέδειξε*. *Vitae sophist.* 21.4). Кроме этого неясного свидетельства, заставляющего предположить наличие какого-то заговора, в нашем распоряжении нет ничего, за исключением ряда косвенных данных, которые и будут являться предметом рассмотрения.

Немногословие Евнапия в вышеприведенном отрывке понятно: за подробностями он отсылает читателя своей "Истории" к не дошедшим до нас запискам самого Орибазия (*Ibid.*). Известно лишь, что эти записки (по-видимому, воспоминания о Юлиане) Орибазий составил специально для Евнапия, чтобы тот включил их фактографический материал в свой исторический труд (*Eunap. fr. 8*). У Аммиана Марцеллина подоплека мятежа в Паризиях раскрыта в ином ракурсе; Орибазий же им вообще не упоминается. Именно поэтому предпринимаемая далее попытка выяснения наличия заговора, степени участия в нем Орибазия может претендовать лишь на гипотезу.

Орибазий из Пергама (326-403 гг.)¹ был учеником знаменитого Зенона Кипрского (*Eunap. Vitae sophist.* 19. 1), главы александрийской медицинской школы. Окончание курса именно в Александрии служило наилучшей рекомендацией для врача того времени (*Amm. Marc.* 22. 16. 17-18). Неудивительно, что карьера Орибазия начала развиваться очень быстро, тем более что он происходил из весьма знатного рода (*Eunap. Vitae sophist.* 21.1), по-видимому, из семьи патрициев². Встреча с будущим

¹ Подробнее см.: Schröder H. *Oreibasios* // *RE.* SpIbd. 7. Sp. 797-812.

² Bloch I. *Byzantinische Medizin* // *Handbuch der Geschichte der Medizin.* Jena, 1902. Bd. I. S. 514.

императором произошла у Орибазия, очевидно, либо в Константинополе, либо в Пергаме, куда в 351 г. ненадолго приехал Юлиан¹.

6 ноября 355 г. император Констанций в Медиолане назначил Юлиана цезарем и дал ему в управление территории Галлии, Испании, Португалии, Англии и Бельгии². Первого декабря того же года Юлиан в сопровождении конвоя из трехсот шестидесяти "самых непригодных", по мнению Либания (*Orat.* 18. 37), солдат, двух слуг, а также Орибазия и некоего Эвемера из Ливии (*Eunap. Vitae sophist.* 7. 3) отправился к месту нового назначения.

В Галлии Юлиан проявил себя талантливым полководцем в войне с германцами, вследствие чего заметно возросла его личная слава среди местного населения. Цезарь до минимума сократил расходы на свое содержание (*Amm. Marc.* 15. 5.3), мужественно вел себя во время сражений, проявляя исключительную твердость характера, когда необходимо было сдержать отступление своих войск (*Ibid.* 25. 4. 10). Но Юлиану приходилось тем более трудно, что его солдаты не получали от него ни жалования, ни денежных подарков: у молодого цезаря просто не было средств (*Amm.* 27. 9. 6). В действиях Констанция, который упорно отказывал Юлиану в деньгах, Аммиан Марселлин видел "злой умысел", но не простую скардность (*Ibid.*). В другом месте историк, сам служивший в то время под началом будущего императора-язычника, сообщает об устойчивых слухах, что Юлиан "был избран в цезари не с тем, чтобы облегчить трудное положение Галлии, но чтобы погубить его самого в жестокой войне" (26. 11. 12-13. Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни).

Решающий удар был нанесен Юлиану в конце 359 г., когда Констанций приказал ему отправить на восток для войны с персами четыре легиона, укомплектованные солдатами из галльских племен. В феврале 360 г. произошло событие, которое и является предметом нашего рассмотрения.

¹ Bewersock G.W. Julian the Apostate. Cambridge (Mass.). 1978. P.28.

² Фурман Д.Е. Император Юлиан и его письма // ВДИ. 1970. №1. С. 216-217.

Само по себе свидетельство Евнапия о том, что Орибазий "сделал Юлиана царем", мало помогает в раскрытии истины. В лингвистическом отношении можно отметить форму аориста от глагола *ἀποδείκνυμι*, указывающую на однократность, кратковременность действия. В примерно аналогичном значении и в том же сочетании — с двойным винительным падежом — указанный глагол встречается у Ксенофонта (Анаб. I. 1.2), где Дарий сначала "сделал" (*ἐποίησε*) Кира сатрапом, а затем "назначил его восначальником" (*στρατηγὸν δὲ αὐτὸν ἀπέδειξε*). Иной вариант, с глаголом в пассивном залоге и в сочетании с двойным именительным падежом, мы находим у того же автора в другом месте (Анаб. I. 9.7). В сохранившихся фрагментах "Истории" Евнапия данный глагол в сочетании с двойным винительным падежом встречается вполне регулярно (fr. 4; 39; 42) со значением "делать, назначать кого-либо кем-либо". Чтобы понять, что же все-таки кроется за простой, но многозначительной фразой Евнапия, необходимо сопоставить ее с данными других источников.

Сохранилось единственное письмо Юлиана Орибазию (№ 14 по изд. Ж. Биде), посланное, видимо, из Паризиев в Виндобонну после 358 г. ¹ Цезарь начинает письмо так: "Божественный Гомер говорит, что сны входят через две двери и вера в предсказанное ими — различна. А я думаю, что ты на этот раз лучше, чем когда-либо, мудро прозрел будущее. Ведь я и сам сегодня видел нечто в том же роде (разрядка наша — С.Т.). Мне представлялось, что высокое дерево... склоняется к земле, в то время как у его корня выросло другое, маленькое и молоденькое, в полном цветении. Я же очень беспокоился об этом маленьком деревце, как бы кто-нибудь не вырвал его вместе с большим. Но когда я подошел ближе, вижу — большое лежит срубленным на земле, а маленькое стоит прямо и высоко поднимается над землей". Надо ли раскрывать эти прозрачные намеки на предчувствие скорого падения Констанция? При этом используется хорошо знакомая любому человеку аллегория: в этом смысле сон Юлиана подозрительно напоминает сон Астиага у Геродота, сон

¹ Юлиан. Письма / Пер. с греч. Д.Е. Фурмана // ВДИ. 1970. №1. С.241. Примеч. 1 (здесь это письмо приводится под №8).

Клитемнестры у Софокла и т.д.¹ Конечно же, "трудно поверить, что это действительно, а не вымышленный сон"². И действительно, "когда такое письмо пишется накануне переворота, трудно представить, что переворот — просто стихийное выступление солдат..."³. В то же время в другом письме, к философу Максиму (№26), Юлиан утверждает, что стал императором против своей воли. Аналогичное утверждение встречается и в "Послании к афинянам" (284 b), написанном, по свидетельству Зосима (3. 10. 3-4), в конце 360 г.

Письмо Юлиана говорит об исключительном доверии к Орибазию: только здесь мы находим недвусмысленный намек на возможное, и даже неизбежное, отстранение от власти Констанция. Искренне дружеские отношения между цезарем и его врачом засвидетельствованы Евнапием в уцелевших фрагментах (9; 26). Особенно показателен последний отрывок, где Орибазий осмеливается давать советы своему высокому покровителю: вести себя сдержанно, не проявлять открыто гнев, причем Юлиан немедленно соглашается с ним.

В Галлии Орибазий почти всегда был вместе с цезарем, по его указанию начал составлять огромную (в семидесяти книгах) научную антологию "Медицинские своды", каковую и завершил в рекордно короткие сроки — до 363 г., что следует из обращения к "самодержцу Юлиану" в предисловии к этому труду⁴. Именно Орибазию Юлиан доверил свои личные записки, которые, "будучи спрятанными в горах медицинских сочинений", были, таким

¹ Попова Г.В. Письма императора Юлиана // Античная эпистолюграфия. М., 1967. С.231.

² Фурман Д.Е. Император Юлиан... С.220

³ Фурман Д.Е. Император Юлиан... С.221.

⁴ Хотелось бы обратить внимание на явно ошибочное утверждение Г.В. Поповой (Письма... Юлиана. С. 227) о том, что цезарь, пребывая в Галлии, "ведет переписку с врачом Орибазием, находящимся в Пергаме..." Во-первых, о переписке говорить не приходится: сохранилось лишь одно письмо Юлиана к Орибазию. Во-вторых, никаких других писем скорее всего вообще не было: Орибазий в силу служебного положения личного врача все время был обязан находиться рядом с цезарем. Кроме того, работа над "Медицинскими сводами" требовала от ученого постоянного обращения к источникам, которые, как мы полагаем, находились в составе личной библиотеки Юлиана, подаренной ему императрицей Евжией (Гийббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М., 1883. Ч. 2 С. 318).

образом, по мнению Р. Браунинга, надежно "защищены от глаз шпионов Констанция" ¹.

Возвращаясь вновь к письму Юлиана, подчеркнем интересные детали, заключенные во второй фразе, где цезарь полагает, что его адресат сейчас (*νῦν*) "мудро прозрел будущее" (*σαφῶς ἐώρακέναι περὶ τῶν μελλόντων*). То есть Юлиану уже известно мнение Орибазия по поводу какого-то конкретного события, причем вполне совпадающее с мнением самого цезаря ("я и сам сегодня видел нечто в том же роде..."). Какое же событие могло повлечь за собой одинаковые выводы у двух очень близких, как мы уже выяснили, людей? Вероятнее всего, и Юлиан, и Орибазий имели в виду приказ Констанция об отправке легионов на восток, приказ, благодаря которому правящий император, по сути дела, сам вызвал бунт солдат.

Как уже отмечалось, в Галлии в распоряжении Юлиана находились войска, укомплектованные в основном представителями местных племен, имевшими здесь же семьи и поступившими на службу "с тем условием, что их никогда не поведут за Альпы" ². Конкретно приказ Констанция касался вспомогательных отрядов из кельтов, петуланов, герулов и батавов, к которым еще велено было присоединить по 300 воинов из других легионов (Амт. Марс. 20. 4.2).

Можно ли объяснить явно абсурдное требование Констанция? Дело в том, что, назначив Юлиана цезарем, император с самого начала стал всячески вредить ему и мешать в исполнении прямых обязанностей. Этому немало способствовали интриги при дворе, начатые магистром войск Марцеллом, который был смещен Юлианом со своего поста в Галлии и в отместку, прибыв в Медиолан, стал распространять слухи о том, что молодой цезарь якобы "готовит себе крылья для более высокого полета" (Амт. Марс. 26. 7. 1-2). Скоро такого рода слухи и наветы стали систематическими (Ibid. 27. 11. 1-2), положение не спасли даже многочисленные военные победы Юлиана: и эти достижения обращались против него искусственными придворными (Ibid. 26. 12. 67).

¹ Browning R. The Emperor Julian. London, 1976. P. 73.

² Гиббон Э. История... С.487. См. также: Browning R. Op. cit. P. 100.

Поначалу вместе с Юлианом в Галлии находился Сатурниний Секунд Салюций, человек широкой культуры, превосходный полководец, самый близкий цезарю из всего круга высших должностных лиц. Именно Салюций учил Юлиана военному делу зимой и весной 356 г. и, как показали дальнейшие победы, весьма преуспел в этом¹. Как раз на этого человека, ставшего в 356 г. префектом Галлии, пало первое подозрение Констанция, и в 359 г., до приказа о легионах, Салюций был отозван. Новый префект, Флоренций, "привыкший к лихоимству" (Liban. Orat. 18. 84), по мнению Аммиана, и был тем самым интриганом, который склонил императора отдать приказ об отправке легионов на Восток (20. 4.2) и по наущению которого был смещен Салюций².

Между прочим, следует отметить, что у Констанция, помимо личной неприязни к Юлиану, были и вполне объективные причины вообще не особенно доверять какому бы то ни было своему наместнику в Галлии. Еще 11 августа 355 г. бывший тогда главнокомандующим галльскими легионами Сильван поднял мятеж и был провозглашен своими солдатами императором³. Восстание довольно быстро было подавлено опытным полководцем Урзицином⁴, однако страх уже прочно закрепился в душе Констанция. Юлиан, который в это время усиленно занимался философией (или делал вид, что занимался), почти не внушал подозрений, к тому же за него ходатайствовала перед грозным супругом императрица Евсевия (Liban. Orat. 18. 27. 31). Однако последующие победы цезаря в Галлии, его растущая популярность привели к росту подозрительности у Констанция. Теперь он только "вымышлял предлоги, чтобы можно было понемногу и незаметно уменьшить войска" Юлиана (Zos. 3. 8. 3).

В январе 360 г. к Юлиану прибыл трибун Децентий с роковым приказом Констанция. Любопытно, что требования императора были адресованы даже не самому цезарю, а его военачальникам Лупицину и Синтуле, Юлиану

¹ Browning R. The Emperor Julian. P.77.

² Ibid. P. 97. Автор, кстати, предупреждает, что указанного Салюция не следует путать с некоторыми его современниками по имени Салюстий, что иногда допускается историками.

³ Browning R. The Emperor Julian. P. 68.

⁴ Ibid. P. 73.

же было велено не вмешиваться¹. Обстоятельства, однако, сложились так, что заниматься подготовкой легионеров к отправке пришлось все же самому Юлиану: Лулицин, магистр конницы, находился в это время в Британии, где усмирял восстание местных племен, новый префект Флоренций предусмотрительно уехал в Виндобонну "под предлогом забот о заготовке провианта" (Amm. Marc. 20. 4. 9). В этой ситуации у Юлиана не было выбора, и он "спокойно подчинился решению верховной власти" (Ibid. 20. 4. 4).

Синтула начал собирать легионы. Робкие предложения Юлиана: подождать возвращения Лулицина, не проводить собранные войска через Паризию, дабы ему не встречаться с ними, — не были приняты во внимание посланцами Констанция². Поэтому цезарю оставалось лишь снестись с единственным другом, обменяться с ним мнениями, отголоски которых, на наш взгляд, имеются в письме к Орибазию. Кстати, это письмо — последнее из написанных Юлианом-цезарем, и, учитывая все вышесказанное обстоятельство, мы склонны датировать его началом 360 г. (январь-февраль), но не 359 г., как считает Р. Браунинг³.

Отобранные для императора войска все-таки прибыли в Паризию, и цезарю пришлось с ними встретиться. В своем демонстративном послушании Юлиан шел до конца: обратился к боевым соратникам с верноподданической речью, "в ласковых выражениях побуждал их бодро идти к августу" (Amm. Marc. 20. 4. 12). Юлиан, конечно, прекрасно знал своих солдат и был, как мы считаем на основании намеков в письме к Орибазию, абсолютно убежден, что бунт неизбежен в любом случае, следовательно, почему бы не предстать послушным закону?

Прибывшие в Паризию войска расположились на ночлег, командиры были приглашены к цезарю на обед (Ibid. 20. 4. 13). Безусловно, соратники испытывали искреннюю скорбь от предстоящей разлуки. Ситуация уже была взрывоопасной, оставалось лишь дать толчок, проще говоря, конкретный совет о единогласном провозглашении

1 Browning R. The Emperor Julian. P. 99-100.

2 Гиббон Э. История... С. 489. См. также: Browning R. Op. cit. P. 101.

3 Op. cit. P. 97.

147569

Юлиана августом. В этот момент рядом с Юлианом находился единственный близкий человек, способный такой совет дать, — Орибазий.

Таким образом, придворный медик "сделал" (*ἀπέδειξε*) то, что требовалось, — подал идею; остальное зависело уже от самих командиров, от их авторитета среди солдат¹. С наступлением ночи вспыхнул открытый бунт. Юлиан начал уговаривать солдат успокоиться и мирно разойтись и только после открытых угроз согласился принять титул августа (Amm. Marc. 20. 1. 16-18).

Дальнейшие шаги Юлиана вновь были выдержаны в духе послушания, во всяком случае внешнего: письмо, посланное Констанцию после переворота, заполнено уверениями в преданности, принятие титула августа объясняется лишь стремлением не допустить бунта, наконец подписано письмо, демонстративно, цезарем (Ibid. 20. 8. 8). В ответ посыпались угрозы (Ibid. 20. 9. 4), в связи с чем Юлиан был вынужден начать подготовку к войне. То же предпринял и Констанций, однако его силы были скованы боевыми действиями против персов. Неустойчивая обстановка сохранялась еще в течение полутора лет. 5 октября 361 г. Констанций неожиданно скончался, успев все же назначить Юлиана своим преемником (Ibid. 21. 15. 2).

11 октября 361 г. новый император торжественно прибыл в Константинополь (Ibid. 21. 2. 4). Но интересно, что еще до этого, в ноябре того же года, Орибазий был назначен на должность квестора, — факт, который сообщают, например, Свиды (s.v. *Ὀριβάζιος*) и, дважды, Филосторгий (Hist. Eccl. 7. 77 = Pass. Artem. 35). Особое отношение к Орибазию не замедлило сказаться и на его учителе Зеноне: ему Юлиан в это же время написал письмо (№ 58), выдержанное в весьма почтительных тонах и содержащее разрешение возвратиться в Александрию, откуда Зенон был ранее изгнан по религиозным мотивам.

Согласно Г. Негри, "то, что... врач Орибазий сыграл важную роль в интригах, которые предшествовали провозглашению Юлиана августом, и что он использовал

¹ В такой же примерно последовательности представляет себе эти события современный американский исследователь: Bowersock G.W. Julian... P. 51.

свое влияние для пробуждения в цезаре имперских устремлений: выглядит вполне вероятным"¹. Указанное свидетельство Евнапия исследователь считал "очень сложным и содержательным", "позволяющим различную интерпретацию"². Полное доверие к словам Евнапия выражал А. Молинье, издатель отдельных трудов Орибазия³, затем И. Блох⁴, а также Р. Браунинг⁵ и Б. Болдуин⁶. Все они считали вполне убедительной версию о существовании в 360 г. достаточно серьезного заговора. Однако могли Орибазий в силу своего официального положения при цезаре в достаточной степени влиять на него и, что особенно важно, на его приближенных?

Юлиан в "Послании к афинянам", между прочим, сообщает, что Констанций крайне неохотно согласился отпустить с ним в Галлию четырех слуг: "двое — совсем еще юные — почти мальчики, двое — постарше" (7. 357 b). Последних двух Юлиан характеризует как лучших своих друзей, не называя их, правда, по имени, но отмечая, что один был врач (конечно, Орибазий), другой же — человек, которому цезарь счел возможным доверить свою библиотеку. Более того, врачу было разрешено отправиться в Галлию лишь потому, что он сумел скрыть свою дружбу с цезарем (Ibid.). То есть врач Орибазий был отпущен Констанцием сопровождать Юлиана исключительно по необходимости, в качестве официального лица.

Думается, что Орибазий занимал должность архиатра, учрежденную в Римской империи, очевидно, после возвышения придворного врача Антония Музы, излечившего Августа от смертельной болезни (Suet. Aug. 59), точнее, после 10 г. н.э., когда всем врачам было гарантировано освобождение от гражданских повинностей⁷. Первым архиатром был, вероятно, Андромак Старший, врач Нерона, во всяком случае именно так (*ὁ Νερῶνος ἀρχίατρος*) называет его Гален (De antidot. I. 11). Далее этот термин вплоть до времени Константина Великого не встречался

1 Negri G. Julian the Apostate. London, 1905. Vol. 1. P. 86.

2 Negri G. Julian... P. 216.

3 Molinier A. Preface // Oeuvres d'Oribase. Paris, 1876. T. 6. P. II-III.

4 Bloch I. Byzantinische Medizin. S. 514.

5 Browning R. The Emperor Julian. P. 74.

6 Baldwin B. Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics // DOP. 1984. № 38. P. 17.

7 Ковнер С.Г. История древней медицины. Киев, 1888. Вып. 3. С. 984.

в источниках. А. Стрельцов полагал, что первоначально титул "архиатр" был характерен только для дворцовых врачей, причем безотносительно к их профессиональному мастерству¹. В эпоху Диоклетиана должность архиатра сделалась вполне официальной, окончательно же утвердилась законом Константина в 326 г.². Причем лица, занимавшие эти должности, делились на две категории: *archiatri populares* — врачи столиц провинций и других городов, и *archiatri palatini* — собственно придворные врачи³. Последний термин впервые встречается у Лампридия (Alex. Sever. 42).

Всего дворцовых архиатров было, по-видимому, семь, их положение особенно укрепилось во время правления Диоклетиана, когда они вошли в состав *militia palatina*. Дворцовые архиатры по закону (CJ. XII. 13) находились на уровне высших должностных лиц империи, составляли особую коллегия во главе с *praesul archiatrorum*⁴. При избрании архиатров в сенат они освобождались от податей, их не могли заключить в тюрьму или вызвать в суд без уважительных причин, в военное время их не призывали на воинскую службу. Эти и другие права накапливались постепенно, в целом они зафиксированы в рескрипте Константина Великого (CJ. X. 53).

Поэтому считаем, что именно такую должность занял Орибазий при новом цезаре. Следовательно, врач из Пергама выступает в качестве официального лица, имеющего право на равных общаться с магистрами, префектами и другими высшими военными и гражданскими чиновниками. Во время событий 360 г. к мнению Орибазия не только могли, но даже должны были прислушаться командиры армии.

После успешного завершения мятежа естественным выглядит возвышение Орибазия — назначение его квестором. Уместно при этом вспомнить аналогичные примеры, когда Виндициан, придворный медик Валентиниана, по окончании профессиональной службы был назначен про-

¹ Стрельцов А. Врачи у древних римлян. М., 1888. С. 62.

² Там же.

³ Ковнер С.Г. Указ. соч. С. 986.

⁴ Стрельцов А. Врачи у древних римлян. С. 66.

консулом Африки, а врач Авзоний стал префектом Иллирика¹.

Итак, наделенный официальным рангом Орибазий, к тому же еще и друг Юлиана, как нельзя лучше подходил для роли влиятельного, рассудительного советника, способного организовать заговор. Однако, как свидетельствует Евнапий, рядом с цезарем в Галлии был еще один человек — Эвемер из Ливии (*Vitae sophist.* 7. 3. 8).

Г. Робинсон, опираясь на "Послания к афинянам" Юлиана, убедительно доказывает, что в силу неверного истолкования фразы исследователям стало казаться, будто речь идет об одном и том же человеке — об Орибазии, одновременно исполнявшем при цезаре обязанности и врача, и библиотекаря². С другой стороны, в первом (1630 г.) латинском издании "Послания", подготовленном Дени Пето, противопоставление библиотекаря и врача проведено очень последовательно³. Конечно, библиотекарем, полагает Г. Робинсон, мог быть только указанный Евнапием Эвемер из Ливии⁴, не упомянутый более ни в каких источниках. Эвемеру Юлиан посвящает много душевных слов: он и "единственный союзник, тайно осведомленный" о замыслах цезаря по поводу реставрации язычества, и "самый преданный из всех друзей и товарищей". Г. Негри был убежден, что Эвемер влиял на Юлиана не меньше Орибазия⁵. Однако о положении библиотекарей в империи сведений почти нет⁶. Поэтому крайне трудно судить об официальном статусе Эвемера. Остается лишь предположить, что Юлиан упросил Констанция отпустить с ним в Галлию Эвемера, второго своего близкого друга, под предлогом заботы о большой библиотеке, подаренной императрицей накануне отъезда⁷.

1 Ковнер С.Г. История древней медицины. С. 988.

2 Robinson G.W. The librarian of Julian the Apostate // *Harvard Studies in Classical Philology.* 1915. Vol. 26. P. 165-168.

3 *Ibid.* P.166. Ж. Биде, издатель сочинений Юлиана, также считал Орибазия одновременно и библиотекарем (*Julien. Oeuvres completes.* Paris, 1924. T.1. P.8).

4 *Ibid.*

5 Negri G. *Julian...* P. 86.

6 См. напр.: Борухович В. Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976. С. 170-204; Thompson J.W. *Ancient Libraries.* Berkeley, 1949. Здесь автор ввел за Г. Робинсоном название Эвемера библиотекарем Юлиана (P.111).

7 О количестве книг в библиотеке можно судить по трудам Орибазия: он использовал сочинения более чем 20 греческих врачей, причем речь идет

Следует отметить, что даже если Эвemer был действительно очень близким другом Юлиана, то этот факт ни в коей мере не противоречит нашим наблюдениям относительно самого активного участия в событиях 360 г. Орибазия. Дело в том, что Юлиан был сложной натурой. С одной стороны, блистательный полководец, честный, скромный человек, с другой — и это очень часто подчеркивает Аммиан Марцеллин — какой-то болезненный суевер, мастер разгадывать приметы, видения, сны (21. 1. 6), не предпринимающий ни одного решительного шага без очередного благоприятного знамения (22. 1. 2), одним словом, "слишком далеко" зашедший "в... склонности разыскивать предзнаменования" (25. 4. 17). Такие черты характера Юлиана требовали поддержки со стороны достаточно близкого человека, столь же мистически настроенного. При этом у нас есть все основания утверждать, что Орибазий на роль тайного языческого гарuspика совершенно не годился, зато Эвemer — вполне, хотя бы потому, что третьего претендента на должность придворного мистика просто не существовало.

О характере пергамского ученого мы можем судить с достаточной уверенностью. В многочисленных выписках его "Медицинских сводов" совершенно отсутствуют всякие следы суеверия, магии, шарлатанства, пустившего, между прочим, глубокие корни в столице империи еще задолго до Орибазия¹. Напротив, из колоссального наследия греческой медицинской литературы выбран только строго научный материал, включающий рациональные методы лечения, убедительные и авторитетные эмпирические обобщения².

Таким образом, основываясь на косвенных данных, можно предложить следующее толкование короткого отрывка из Евнапия. Прежде всего, ни о каком серьезно подготовленном классическом заговоре, по-видимому, речи быть не должно. Следовательно, надо внести некоторые уточнения к соображению Д.Е. Фурмана, полагающего, что скорее всего Юлиан "сознательно императором

¹ только в медицинской части собрания.

¹ Стрельцов А. Врачи у древних римлян. С.15.

² О научной добросовестности Орибазия см.: Gordon B.L. Medieval and Renaissance Medicine. Philadelphia, 1959. P.45; Major R. A History of Medicine. Springfield, 1954. Vol.1. P.211.

стать не хотел", но переворота ждал, "видя в этом волю богов и смотря сквозь пальцы на то, как его друзья и сподвижники готовят восстание"¹. Дело в том, что готовить, собственно, было нечего, да и некому (один Орибазий, пусть даже вместе с Эвемером, вряд ли смог бы организовать военный переворот) и, самое главное, незачем.

Восстание, действительно, готовилось, но, как это ни парадоксально, самим царствующим императором: его нелепыми провокационными распоряжениями, особенно последним, безумие которого отчетливо подсказало Юлиану и Орибазию единственно возможное естественное завершение развития событий. Не потому ли Юлиан так спокойно подчинился явно абсурдному приказу?

Что же касается Орибазия, то он, конечно, принял живейшее участие в деле, но отнюдь не как организатор мятежа, а скорее всего, как податель необходимой идеи в надлежащее время. Вероятно, именно поэтому ни Евнапий, ни Аммиан Марцеллин не приводят подробностей относительно Орибазия: долговременное деяние не ускользнуло бы от внимания историков, но однократное действие если и могло оставить следы, то только в мемуарах пергамского врача, которые утрачены, однако часть которых мы попытались здесь хотя бы гипотетически восстановить. Хочется думать, что реконструкция событий 360 г. окажется небесполезной, ибо позволит пристальнее взглянуть в личности двух выдающихся деятелей эпохи — последнего язычника на римском троне и основоположника византийской научно-медицинской традиции.

¹ Фурман Д.Е. Император Юлиан... С.221.